

Введение

Интерес к прошлому своей родины у нас всегда был. Мы знаем, что наша история — это история нашей страны, и мы хотим знать, как она развивалась. В этом смысле изучение истории — это не просто наука, а искусство. Оно помогает нам понять, кто мы такие, откуда мы пришли и куда мы идем. В этом смысле история — это наш дом, наш родной дом. Мы хотим, чтобы эта книга была для вас не просто учебником, а настоящим другом, который поможет вам узнать историю своей родины и своей страны. Мы хотим, чтобы вы узнали, как наша страна развивалась, как она становилась сильнее и богаче. Мы хотим, чтобы вы узнали, как наша страна стала такой, какой мы ее знаем сегодня. Мы хотим, чтобы вы узнали, как наша страна стала такой, какой мы ее знаем сегодня. Мы хотим, чтобы вы узнали, как наша страна стала такой, какой мы ее знаем сегодня.

И. ГАРБУЗОВ

НА МАЛОМ НЕСВЕТАЕ

(Из истории села Алексеевка)

2006 г.

Вместо предисловия

Интерес к прошлому своей «Малой Родины» всегда, во все времена был присущ, наверное, каждому человеку. Особенно детям и подросткам. Это естественно: им хочется «заглянуть в историю», узнать, а что же в наших краях происходило 50-100-1000 лет назад, кто из земляков оставил о себе добрую память, наконец, почему населенный пункт, где доводится жить, носит именно такое название? Автор данной публикации ставил перед собой задачу: в отдельных очерках, повествующих о том или ином историческом периоде, обозначить основные «знаковые» вехи из прошлого села Алексеевки, не претендуя на всеобъемлющий и глубокий анализ всех имевших место событий. Главное — помочь юным краоведам в событиях ориентироваться. Выводы — делать им.

Автор.

I. Во глубине веков

Земли, относящиеся ныне к Алексеевской (сельской) администрации Октябрьского района, располагаются по среднему течению реки Малый Несветай. С севера они граничат с городом Новошахтинском, с запада и юго-запада с Родионово-Несветайским районом, с востока и юго-востока — с территориями Краснокутской и Красюковской сельских администраций Октябрьского района.

Здесь территория активно осваивалась человеком еще в глубокой древности. Свидетельством тому могут служить обнаруженные в последние годы памятники старины. Один из них — стоянка первобытного человека. Расположена она примерно в 300-х метрах от юго-западной окраины хутора Шевченко, по крутому склону холма. Датировать стоянку точно пока не представляется возможным, ориентировочно же она относится к периоду от позднего палеолита до неолита, то есть от древнекаменного до новокаменного века.

Небольшое овальное плато длиной в 100-120 метров и шириной несколько меньших размеров, разрезанное почти пропорционально надвое большим и глубоким оврагом. Во время разведочных работ тут был собран разнообразный археологический материал: кремневые скребки, рубила, шильце, сколы, отщепы. Встречается чешуя крупной рыбы. Многие кремни обожжены. Все изделия изготовлены из темного и темно-серого неоднородного кремния, который добывался здесь же, рядом со стоянкой, немного ниже по склону балки.

Обнаруженный материал в общих чертах позволяет сделать некоторые выводы относительно рода занятий первобытного человека на берегах Малого Несветая. Тогда, в эпоху таяния ледника данная река представляла из себя водный поток шириной в 2-2,5 километра и несколько десятков метров глубиной. Естественно, древнейшие обитатели этих мест занимались, главным образом, рыболовством.

Расположена стоянка террасообразно, один культурный пласт ступенькой нависает над другим. Это вызвано действием грунтовых вод, постепенно подмывающих поселение. Судя по размерам стоянки и количеству найденных предметов, тут одновременно могли проживать три-четыре десятка человек. Большое по масштабам своего времени поселение.

Сколько времени просуществовала древняя стоянка? Какова была судьба ее обитателей? Однозначного ответа нет. Придя на берега Малого Несветая во время активного таяния ледника, первобытные рыболовы и охотники, скорее всего, покинули эти места (или были истреблены пришельцами) с наступлением бронзового века, когда сюда пришли сначала земледельческие племена, а затем кочевники-скотоводы так называемой «ямной культуры» (названной так по типу погребения умерших — в неглубоких прямых ямах). Косвенным подтверждением тому может служить поселение как раз «ямников», обнаруженное во время строительства Ильичевского кирпичного завода (ныне ООО «КЕСМО»). К сожалению, оно полностью погребено при проведении строительных работ.

Другая аналогичная стоянка первобытного человека расположена на границе земель Алексеевской (с) администрации и г. Новошахтинска, по бал-

ке Бугултай. Ближайшая достаточно основательно исследованная археологами подобная стоянка — «Бирючья балка» в Константиновском районе.

Одна эпоха сменяла другую. Приходили и растворялись в глубине времен различные племена и народы. Они исчезли, но оставили после себя немало немых свидетелей своей жизни и деятельности. Это, прежде всего, курганы, искусственные холмы, под которыми погребали умерших. Иной раз это одинокие курганы, а порой встречаются целые комплексы. На территории Алексеевской администрации известны, по меньшей мере, два таких комплекса. Один, имеющий название «Винокосовские курганы» расположен к северо-западу от Алексеевки, рядом с бывшей шахтой № 19 шахтоуправления «Несветайское». Насчитывает он свыше десятка курганов. Некоторые сильно распаханы.

Другая группа, состоящая из семи сильно распаханных курганов, находится в 1-2,5 километрах к западу от х. Шевченко.

Раньше на вершинах многих курганов стояли вытесанные из каменных глыб разного размера изваяния, в народе именуемые «каменными бабами». Некоторые из них в настоящее время выставлены в экспозиции историко-археологического музея-заповедника «Танаис».

Великолепная «каменная баба», датированная 12-м веком нашей эры, временем, когда в Нижнем Подонье жили кочевники-половцы, долгое время выполняла роль скамеечки-завалинки возле подворья Слепченко в х. Шевченко. Потом ее перевезли в Алексеевскую среднюю школу № 48, а уже оттуда, в качестве дара от коллектива педагогов и учащихся, весной 1989 года была передана в «Танаис».

Осенью того же, 1989 года севернее Алексеевки, в окрестностях балки Бугултай, при активной помощи местных жителей сотрудники музея обнаружили еще один массивный истукан. Хорошо сохранилось детальное изображение толстой косы, свисавшей от головы до самого пояса. Утверждать, что это изображение божества женского пола со всей уверенностью нельзя, поскольку в древности у целого ряда племен существовал обычай заплетать косы и у мужчин.

Год спустя огромную статую, вернее, ее верхнюю половину (она была обломана ровно на уровне пояса) нашли в 2-х километрах к юго-западу от х. Шевченко. Дата изготовления та же — 12 век, Половецкая «баба».

В декабре 1996 года в окрестностях х. Шевченко удалось обнаружить сразу два древних истукана. Один был найден на свалке бытовых отходов, на восточной окраине хутора, рядом с базой тогдашнего КФХ «Людмила». Статуя оказалась без головы, все же остальные детали сохранились превосходно. Изваяние типично восточное, с тюркскими чертами: массивный торс, мощные бицепсы, крепкое основание. Датруется все тем же 12-м веком. Это «классическая половецкая баба».

Вторая же, найденная на поверхности распаханной курганной насыпи на краю лесополосы, по меньшей мере, на целых два тысячелетия древнее предыдущей. Рельефное, выпуклое изображение божества выполнено лишь с одной стороны — передней. Следы огня и глубокие отметины на изваянии говорят о том, что оно было низвергнуто со своего капища пришельцами еще в глубокой древности, примерно за восемь столетий до нашей эры.

Окрестности Малого Несветая хранят в своих недрах следы былых сражений, так называемые «ратные поля». Так, по склонам балки Улюк до сих пор после сильных дождей весной и осенью (когда на почве нет травяного покрова) можно обнаружить сильно поврежденные временем бронзовые и медные бляшки, на которых изображен мифический хищник грифон, терзающий льва или тигра. Такого рода сюжеты для Приазовья не свойственны. Они характерны для региона Малой и Передней Азии. И действительно попали в нашу местность именно оттуда. Эти бляшки – память о пребывании здесь в 514 году до нашей эры полчищ великого завоевателя древности персидского «царя царей» Дария Ахеменида.

Подробности пребывания Дария в наших краях сохранились в 4-й книге «Истории» Геродота, известного древнегреческого историка, прозванного за создание своего труда «отцом истории».

В наших краях тогда проживали кочевники, которых греки именовали скифами (сами же они называли себя «сколотами»). Когда Дарий вторгся с огромным войском в скифские пределы, кочевники, ввиду численного превосходства неприятеля, избегали открытых сражений, применяя партизанскую тактику: выжигали на пути следования персидского войска степь, уничтожали мелкие отряды разведчиков и фуражиров. Сюда, в Восточную Скифию Дарий пришел с порядком обессилевшим войском и, поняв всю бесперспективность дальнейшей кампании, повернул назад, бросив на произвол больных, раненых и ослабевших воинов. С одним из отступавших персидских отрядов и произошло сражение на землях теперешней Алексеевской администрации. Убитых похоронили, но очень много завоевателей осталось навсегда лежать в густых зарослях терновника. Кости их со временем растащили хищные звери и птицы и единственное, что сохранилось от воинов грозного «царя царей» – это медные и бронзовые бляшки...

Курганная группа, расположенная к западу от х. Шевченко, являя собой некрополь – массовое захоронение, одновременно может служить и примером «ратного поля», только совсем другого времени, более приближенного к нашим дням. В группе всего насчитывается 7 курганов. Они в сильно распаханном состоянии, едва заметны невооруженным глазом. На пахоте можно обнаружить много различных обломков керамики (посуды): ваз, кувшинов, пифосов. Попадают, правда, крайне редко, и хорошо сохранившиеся наконечники стрел. Керамика изготовлена грубо, плохо обожжена, иногда без применения гончарного круга, кое-где на глине даже увековечились отпечатки пальцев мастера-гончара. Датируются абсолютно все находки одним временем – самым концом 14-го века нашей эры, эпохой упадка Золотой Орды. Эта курганная группа – свидетель пребывания здесь еще одного завоевателя – Тамерлана, правителя Самарканда.

В 1395 году эмир Тамерлан, известный также под именами Тимура, Тимур-бег, Тимур-ленга, вторгся в пределы Золотой Орды, разбил ее правителя Тохтамыша и широким фронтом («облавой», как говорится в летописях) двинулся к Азаку – морскому порту и крепости, стоявшему на месте теперешнего Азова. Татары боя не принимали, те же их отряды, которые встреча-

лись на пути завоевателей, истреблялись. Так случилось и здесь. Золотоордынский отряд был частично перебит, частично рассеян. Тамерлан спешил к Азаку и никого не преследовал. Когда он ушел дальше, уцелевшие ордынцы спешно погребли своих убитых, устроив на их могилах погребальный пир – тризну, которая сопровождалась битьем использованной посуды...

Еще один исторический факт имеет к нашим краям самое непосредственное отношение. Связан он с рекой Малый Несветай. В наши дни это всего лишь рядовая, заштатная степная речушка. А несколько столетий назад она была широкой, глубоководной, по ее берегам росли густые леса, а по водной глади проходили караваны судов. Память об этом сохранилась до наших дней. До сих пор из уст местных жителей можно услышать, что по Малому Несветая якобы проходили суда Петра Первого во время его второго Азовского похода в 1696 году. И показать могут места, где петровские суда в свое время приставали к берегу. Места подходящие, и суда, действительно, некогда приставали к берегам, только не во времена Петра, а значительно раньше, примерно на 150 лет.

Со времен Золотой Орды в районе теперешнего украинского города Артемовск Донецкой области, на Бахмутских копях добывали соль. До середины 16-го века большую часть добытой соли без особых приключений доставляли от Бахмутских солеварен на возах к берегам Северского Донца, там перегружали в специальные грузовые суда – «будары» – и уже по воде перевозили груз к Азову – турецкой крепости и одновременно административному центру Азовского пашалыка (санджака) Османской (Оттоманской) империи.

Татарские, а несколько позднее – ногайские мурзы неплохо наживались на соляной торговле. Препятствий им никто не чинил. Кругом голая степь, полноводные реки, берега которых были покрыты лесами, а на случай забредшей невесты откуда небольшой кочевой орды имелась охранная грамота хана, она именовалась «пайцза». Согласно историческим источникам, ее текст гласил следующее: «Силою вечного неба. Покровительством великого могущества. Если кто не будет относиться с благоговением к воле хана, тот подвергнется ущербу и умрет».

Так продолжалось до времен Ивана Грозного, когда в «Диком поле стали один за другим возникать казачьи «городки», впоследствии получившие название станиц. Среди возникших по Дону городков был и Раздорский. Раздорские казаки очень скоро и надежно перекрыли татарско-ногайский торговый путь по Северскому Донцу и далее по Дону. «Большой соляной шлях» навеки прекратил свое существование.

Азов и ногайские племена, жившие в низовьях Дона и Кубани, не могли оставаться без бахмутской соли. Нужно было искать новую водную артерию. И она была найдена, причем не одна. Теперь из района солеварен под усиленной охраной торговые караваны доставлялись к отрогам Донецкого края, в район современного Новошахтинска, где соль перегружали на «будары», после чего, разделив их на два каравана, отправляли в путь по Большому, и Малому Несветаям. Делалось это из-за опасения возможного нападения казаков, из простого расчета, что хоть один караван доберется до места назначения. Два Несветая не были единственными водными артериями «Мало-

го соляного шляха», соль сплавляли и по другим степным речкам, в данном случае речь идет об одной из ветвей пути.

Караваны соединялись у реки Тузлов, что означает «соляная река» (не соленая, а именно «соляная», то есть река, по которой перевозят соль) и далее следовали к цели – Азову. Никаких препятствий дальше не было. Черкасского городка (теперешней станицы Старочеркасской) тогда, во времена Ивана Грозного еще не существовало. С его же возникновением был перекрыт и этот торговый путь, а вскоре и сами Бахмутские солеварни были захвачены донскими казаками. С того времени торговые суда по Малому Несветаяю не ходили. Что же касается петровского флота, то он продвигался к Азову по Дону и появление его здесь – всего лишь местная легенда...

Со времен «Малого соляного шляха» и примерно до середины 19-го века наши места были абсолютно безлюдными. Возможно, именно потому, что казаки появились здесь сравнительно поздно, местность в значительной мере сохранила свою прежнюю, дославянскую топонимику (географические названия на местности). Конечно, есть у нас и Каменная и Берестовая балки, каковых много на Дону. Но все же преобладают старые, тюркские названия.

В Малый Несветай впадают своими ручьями, к нашему времени уже полностью или почти пересохшими, балки Бугултай, Джемельтай, Курутай, Каратай, Манкирь, Улюк. Слово «тай» означает «вода» или «река». В позднее Средневековье тюрки слово «вода» произносили как «су» или «сай»: Аксай означает «белая вода». Видимо, топонимические названия в нашей местности были даны задолго до появления здесь татар и ногайцев, скорее всего, если за основу брать очень архаическое произношение слова «вода» – «тай», наши ручьи и балки получили свои названия во времена ранних тюрков – хазар, то есть свыше тысячи лет назад.

Со временем некоторые из указанных выше топонимов «ославянились». Так, балка Джемельтай потеряла свою последнюю букву и сейчас походит на женское имя – Джемельта, а балка Каратай, потеряв «а», превратилась в Картай-балку. Каратай переводится на русский как «черная вода». На Дону много водоемов под названием Аксай и Каратай. Объясняется это просто: в тюркских языках цветом иногда обозначали стороны света, белым – север и черным – юг. Таким образом «Каратай» звучит как «южная река или «южная вода», обозначая тем самым южные пределы владений какого-то племенного союза ранних хазар, а Аксай, следовательно, северную границу, но уже других, более поздних кочевников.

Широкая, похожая на амфитеатр балка Курутай тоже претерпела изменение, потеряв в середине слова букву «л» – «Курултай» «река народу», то есть место для проведения хазарами народных собраний. Действительно, место для проведения таких мероприятий очень подходящее: внизу располагались племенные вожди, дружина, жрецы, а по пологим склонам – рядовые общинники, громкими криками выражавшие свое согласие или несогласие на предложения «верхушки». Таким образом, через топонимические названия, память о живших здесь некогда хазарах дошла до наших дней...

2. Несветайские хутора

Освоение долины Малого Несветая казаками началось примерно с середины 19-го века. Сначала по его берегам разместились пастбища конезаводчика Королькова (возле х. Большой Должик, Родионово-Несветайского района имеется плотина, до наших дней в народе именуемая «Корольковой»). Затем сюда стали переселяться казаки Грушевской станицы, а после отмены в 1861 году крепостного права стали появляться иногородние, в основном «хохлы» – тавричане. Один за одним стали образовываться казачьи хуторки, обычно получавшие свое имя по фамилии первопоселенца: Уткин, Голубовка, Воробьевка, Шумков, Чернухин, и слободки иногородних, которые давали своим поселениям имена покинутых ими в поисках лучшей доли населенных пунктов: Полтава, Бочаны, Дошаны. Наиболее отдаленные поселения за глухомань назывались Кут, что значит угол (или Сычевка, что означает то же самое).

28 августа (по новому стилю) 1866 года на берегу маленького озера в хуторе Чернухин была освящена небольшая деревянная церквушка во имя Успения Пресвятой Богородицы, и несколько крошечных населенных пунктов, известных как «Несветайские хутора» были объединены в одну административную единицу – хутор Малый Несветай Грушевской станицы Черкасского округа. Этот день считается официальной датой основания хутора.

В течение более чем полувека в хуторе располагалось атаманское управление (здание сохранилось до наших дней). Ему, кроме самого Малого Несветая, административно был подчинен еще один, совсем небольшой казачий хутор – Зацепин, основанный в 1882 году новочеркасским казаком Н. П. Зацепиным (теперь это ул. Заречная и часть ул. Подгорной х. Шевченко) и ряд «кацапских» и «хохлацких» поселений, число которых постоянно росло. Причина этого роста одна: добыча угля.

В 1912 году местный казак П. Ф. Дороганов открыл на паях с иногородним Сафроновым небольшую шахтенку – «душегубку». Шахта Дороганова-Сафронова – первая в Несветайском угольном бассейне. Вслед за ними открыли «душегубки» и многие другие состоятельные хуторяне: И. К. Назаров, Гончаров, Мاستиков и другие. Наконец, в верховьях Малого Несветая открыли шахту братья Парамоновы, сыновья известного ростовского купца Елпидифора Парамонова, но фактически хозяином являлся один из братьев – Николай, горный инженер по образованию. Он взял в аренду у казаков Малого Несветая огромный участок земли и основал там шахтерское поселение – Парамоновский рудник. Парамоновские «казармы» до сих пор в немалом количестве сохранились в Новошахтинске. Парамоновский рудник – историческое ядро современного Новошахтинска.

Так уж исторически совпало по времени, но именно в 1912 году, когда был основан будущий Новошахтинск, центр х. Малый Несветай обрел свое архитектурное «лицо», выделявшее его на фоне других казачьих поселений Нижнего Дона. Связано это с именем одного лишь человека – Савелия Петровича Наумова. Человек зажиточный, одновременно отзывчивый и щедрый, развернул в начале прошлого века бурную меценатскую (сейчас бы сказали – спонсорскую) деятельность, вкладывая немалые средства на обустройство

хутора. Строил и для себя, и для нужд хутора.

Для себя он возвел на правом берегу речки Малый Несветай паровую мельницу, единственную на всю округу. Сюда съезжались со всех окрестных мест. К услугам клиентов была даже столовая. Развалины мельницы сохранились до наших дней, а вот от построенной на паях с Каллистратом Гончаровым крупорушки не осталось даже следов.

В 1912 году на средства С. П. Наумова была перестроена Успенская церковь: на месте деревянной воздвигнута каменная. Сохранившаяся фотография тех лет показывает великолепие и изящество Успенской церкви: высокая, устремленная в небо колокольня, ажурные металлические решетки окон, красивая металлическая ограда. Уже в наши дни здание церкви сгорело до основания.

На средства С. П. Наумова были построены два здания начальной школы. Вплоть до конца первого десятилетия 20 века обучение детей грамоте сводилось к тому, что хуторское казачье общество на осенне-зимний период приглашало из Александровска-Грушевского (Шахты) учителя, о котором только и известно, что фамилия его была Андреев, и арендовало у кого-либо помещение под учебный класс. Получалось, что дети читать и писать умели, а продолжать дальнейшее обучение не могли, поскольку официально школы не было, и документ об образовании – «табель» не выдавался. Нужно было строить школу. За это дело и взялся Наумов.

Согласно замыслу С. П. Наумова, школьные здания должны были быть возведены на краю майдана, напротив церкви. Таким образом, была бы сформирована архитектура центра хутора, его «лицо». С одной стороны к церкви, центру притяжения, примыкали мельница, атаманское управление с конюшней, с другой – школа, а между всем – майдан, место ярмарок, праздников и хуторских сходов.

Задумав построить полноправную реальную 4-х классную школу, С. П. Наумов, естественно, прежде всего, обратился за поддержкой к местным властям. Тогдашний хуторской атаман Ренсков дал свое «добро» сразу же. Но открытие новых учебных заведений не входило в компетенцию местных властей, требовалось разрешение атамана Области Войска Донского. Поэтому прошло немало времени, пока из Новочеркасска пришло соответствующее разрешение, да и то при обязательном условии, что вновь возведенные постройки никоим образом не будут «стеснять» кого-либо из здешних хуторян-казаков (иногородние в расчет не принимались).

Заручившись поддержкой войсковых властей, С. П. Наумов тотчас «выписал» (пригласил) из Новочеркасска архитектора. Здания школы решено было строить не на краю майдана, а несколько западнее, чтобы никого не «стеснить».

Строительство двух школьных зданий началось в 1909 году, одновременно с возведением церкви и мельницы, в 1912 году все новостройки, за исключением одного школьного здания были завершены. В следующем, 1913 году было построено и второе школьное здание (это строение сохранилось до наших дней, оно стоит на углу нынешней ул. Бондаревского и сельского парка, его «двойник», массивное темного кирпича одноэтажное здание было разрушено в конце 90-х годов прошлого века). Таким образом, в хуторе появилась полноправная 4-х классная начальная школа. Ее выпускники получали «табели» об образовании и право обучаться в реальных (профессионально-технических) училищах. Школа имела право экстерната:

любой из казаков мог держать экзамен за полный курс школы и получить «табель». Первым «заведывающим», как тогда писали, школы стал Иван Петрович Ренсков, проработавший в школе до 1946 года.

Из всех дореволюционных построек лучше всего сохранилось массивное здание, принадлежавшее Каллистрату Гончарову. Построено оно было в 1903 году. Сейчас в нем располагается Алексеевская (сельская) администрация.

Непременная специфическая деталь хуторской архитектуры: перед воротами до сих пор стоят или лежат длинные массивные камни. При одинаковом облике, названия у них различные: «вратный» камень, если стоит у ворот (означал, что здесь живет казак, имеющий наследника), «воротный», если рядом стояли два камня (обозначали границу хозяйства с фасада (например, мельницы), если камень лежал – наследников мужского пола не было. «Огородный» камень означал границу огорода, «межевой» – надела земли. На перекрестке дорог стоял «столбец». Здесь казак, уходя на службу, принимал «на посошок», отсюда выражение «застолбить место».

Таков был внешний облик дореволюционного Малого Несветая, в общем-то, типичного казачьего поселения Нижнего Дона.

3. В лихолетье

Как протекала жизнь в хуторе в годы Первой мировой войны, автор этих строк информацией не обладает. А вот о событиях, последовавших после загла «Авроры» некоторые, хотя и отрывочные данные имеются. Это несколько архивных документов, опубликованных в сборнике «Борьба за власть Советов на Дону» (Ростов-н./Д., 1957) и воспоминания участников тех событий, записанные в разные годы. Особого внимания заслуживают воспоминания красного партизана, активного борца за Советскую власть в наших местах Семена Ефимовича Чернецова, сделанные в 1989-1990 годах.

Летом 1917 года в Малый Несветай на постой была определена 4-я сотня 36-го Донского казачьего полка. Командовал сотней есаул Голубинцев.

На соседнем Парамоновском руднике, где работало немало здешних казаков, после февральской революции функционировал Совет рабочих депутатов, которому подчинялась выборная народная милиция. Возглавлял Совет большевик Матвей Федорович Соколов. Большевики основательно распропагандировали как жителей Малого Несветая, так и расквартированную там сотню.

Когда свершилась Октябрьская революция, донской атаман А. М. Каледин Советскую власть не признал, ввел на Дону чрезвычайное положение и сделал попытку навести порядок, в первую очередь – в шахтерских поселках, где особенно сильным было влияние большевиков. Для этого он своим распоряжением распустил выборную милицию и отправил в каждый поселок свою, чисто казачью. На территорию Парамоновского рудника прибыли «милицейские» из Новочеркасска под началом сотника Кузнецова.

Однако, местный Совет, опираясь на рабочую милицию и отряд Красной гвардии, сформированный еще весной 1917 года при активной помощи большевика Тимофея Ульянцева, признать полномочия калединского начальника милиции отказался. Более того: своим распоряжением Совет отпустить из местной лавки калединским «милицейским» продовольствие в категорической форме запретил.

Сотник Кузнецов, зная, что Несветайский рудник братьев Парамоновых располагается на землях, арендованных у малонесветайских казаков, отправился в хутор за поддержкой. Однако, распропагандированные большевиками хуторские казаки, а также и расквартированная сотня отказались поддерживать калединского сотника. Более того: сотенный комитет, который возглавлял по иронии судьбы однофамилец войскового атамана – казак Каледин отправила на рудник делегацию, которая там заявила о полной поддержке рудничного Совета рабочих депутатов, вплоть до вооруженного содействия.

Несостоявшийся «начальник милиции» Несветайского рудника сотник Кузнецов вынужден был вернуться в донскую столицу, о чем начальник Черкасской окружной милиции войсковой старшина Пухляков написал рапорт на имя атамана А. М. Каледина. Рапорт сохранился в Ростовском областном государственном архиве, и был опубликован в сборнике документов «Борьба за власть Советов на Дону», изданном в Ростове в 1957 году, к 40-летнему

юбилею Октябрьской революции.

Начинавшаяся Гражданская война вяло протекала совсем рядом, вдоль линии железной дороги, а здесь, в Малом Несветае было обыденно, тихо, как в глухом тылу, о войне доходили лишь отрывочные слухи. Хутор признал Советскую власть, над атаманским правлением был водружен красный флаг. Таким образом, несветайские горняки могли не опасаться за свои тылы. И когда отряд белых партизан попытался пробиться к Несветая со стороны станции Горная, большевики, мобилизовав все свои силы, смогли отбросить белых.

Обстановка в хуторе резко и круто изменилась практически сразу же вслед за установлением на Дону Советской власти, то есть – к весне 1918 года. Появился хуторской Совет. Кто его возглавлял установить не удалось, известно лишь, что в его формировании активную роль сыграл малонесветайский казак Александр Иванович Минаев, человек уже в годах – 1866 года рождения, живший к тому времени на Парамоновском руднике, но поддерживавший постоянную и тесную связь с земляками. Хуторской Совет вынужден был давать согласие на разного рода реквизиции: продовольствия, одежды, лошадей, поскольку горняки и стоявшие на руднике красногвардейцы во всем этом нуждались, а платить были то ли не в состоянии, то ли не желали.

Несколько раз горняцкие продотряды навещали хутор. Когда казаки попробовали громко выразить свое недовольство, продотрядчики расстреляли бывшего атамана Фирсова и священника. Хутор затих, готовый в любой момент взорваться восстанием. Но в одиночку на успех надеяться было нечего: с одной стороны в восьми верстах от хутора находился занятый большевиками Парамоновский рудник, с другой – пробольшевистски настроенные «хохлацкие» слободы.

В апреле 1918 года, доведенные до отчаяния грабежами и поборами, восстали казаки Бессергеновской, Заплавской и Кривянской станиц. Казаки с налета захватили Новочеркасск, объявив там всеобщую мобилизацию, и устремились к Ростову. Газета ростовских коммунистов «Наше знамя» с тревогой писала о наступающих на Ростов казаках «под командованием генерала Смирнова в некоего Фетисова». Но затем «красный атаман» Ф. Г. Подтелков, стянув силы, сумел дать отпор. Красные даже захватили Кривянскую.

Лидеры повстанцев разослали своих гонцов по всем окрестным хуторам и станицам поднимать «сполох» – тревогу, призывая к восстанию. Следом за гонцами шли красные каратели. В Малом Несветае гонцы побывали и проследовали дальше. Пришли красные и потребовали немедленной их выдачи. Выдавать было некого, но каратели не поверили и, схватив 12 первых повернувшихся под руку человек, расстреляли, а трупы сбросили в ствол шахты Дороганова-Сафронова. Погибшие были даже не казаками, а иногородними. Установлена фамилия лишь одной жертвы – Клименко. Позднее их посмертно приняли в казаки и похоронили с воинскими почестями. В наши дни на братской могиле жертв красного террора казаками Несветайской станицы (г. Новошахтинск) водружен памятный крест.

Сразу же после ухода красных карателей хутор восстал. Советская власть пала. А вокруг хутора стали появляться отряды красных партизан. Разной численности, от 20-ти человек под командованием Семена Ефимовича Чернецова,

чуть больше – под руководством большевика Николая Васильевича Иваненко и до семи сотен бойцов под командованием Матвея Федоровича Соколова. Последний был сосредоточен в слободе Родионово-Несветайской и представлял собой серьезную силу. Были и совсем небольшие отряды, состоявшие всего из нескольких партизан. Один из них, под командованием Федора Антипова находился в окрестностях Парамоновского рудника.

После отступления красных на смену красному террору пришел белый. Красный партизан Антипов погиб в бою, а его мать и сестру Катю расстреляли по приговору белогвардейского военно-полевого суда.

На Парамоновском руднике были расквартированы белые казаки и отряд германской армии, пришедшей на Дон, чтобы оказать помощь в укреплении власти войсковому атаману П. Н. Краснову. В руки казаков и немцев попался большевик А. И. Минаев и был допрошен вахмистром Казанцевым и немцем Шнейдером. Те дали слово сохранить ему жизнь, при условии, что Минаев укажет, в какой шахте красные спрятали склад с оружием. Тот пообещал это сделать. Когда подошли к шахте, Минаев прыгнул в бадю и исчез в стволе. Следом устремился Казанцев. Внизу раздался выстрел, и вахмистр погиб. Потом Минаев выстрелил в себя: в шахте находилась одна винтовка с двумя патронами. Выстрел был неудачным: еще живого Минаева немцы вытащили на поверхность, облили керосином и сожгли. Имя А. И. Минаева носит одна из улиц Новошахтинска, в городском краеведческом музее был оборудован посвященный ему стенд...

В 1918 году х. Малый Несветай был выведен из состава Грушевской станицы и передан в состав Новочеркасской станицы. Одновременно был образован самостоятельный хутор Зацепин, в его состав были включены слободки Бочаны, Дошаны, Курутяны и Сычевка. Новая административная единица также входила в состав Новочеркасской станицы.

Весь 1918-й и почти весь 19-й год Малый Несветай был глубоким тылом белогвардейской Донской армии. В хуторе нормально работали церковь, школа, магазины. Жизнь изменилась с приходом в конце декабря 1919 года красных – летучего разъезда конного корпуса Бориса Думенко.

Между теперешними селом Алексеевкой и хутором Шевченко до конца 1919 года располагалась «экономия» (механизированное хозяйство) казака Леонтия Никольцева. Там было много скота, две машины-молотилки, приводимые в движение локомотивом, много иного имущества. Никольцев ушел с белыми, имущество уцелело, и весной 1920 года на базе «экономии» была организована сельскохозяйственная коммуна имени 8-го Марта. В ее состав вошло 12 семей крестьян-иногородних, возглавил коммуны Иван Петрович Платошкин. В коммуны вступили семьи П. Подумеева, П. Копаева, И. Хорунжего, имена других коммунаров пока не установлены...

В окрестностях хутора действовали два отряда не сложивших оружие белых казаков – полковника Гнилырыбова и есаула Рожкова, вскоре объединившихся. В народной памяти больше сохранилось имя Рожкова, по той причине, что с красной стороны в Александровск-Грушевском районе борьбу с «политическим бандитизмом» возглавлял его однофамилец. Обыватели боялись самого слова «рожковцы» – попробуй, разбери – какие...

В конце весны 1921 года, когда вся местная милиция была срочно вызвана в районный центр – в недавно переименованный из Александровска-Грушевского в город Шахты, есаул Рожков поздним вечером захватил «коммунию» и разгромил ее. То имущество, которое можно было забрать с собой – погрузили на тачанки и увезли, остальное, вместе с инвентарем и помещениями предали огню. Коммуна прекратила свое существование. О ней сейчас напоминает лишь 300-метровый пустырь между Алексеевкой и Шевченко. Прежде это был единый массив.

В 1921 году х. Малый Несветай стал центром одноименного подрайона, объединявшего несколько волостей (сельсоветов) Шахтинского района. Сначала подрайон возглавлял Николай Васильевич Иваненко, затем Семен Ефимович Чернецов, наконец, председателем исполкома подрайонного Совета был назначен совсем еще молодой Николай Павлович Алексеев. Пробыл он на своей должности совсем недолго, местным жителям он запомнился тем, что погиб «на боевом посту».

Вечером в конце лета 1921 года в помещении исполкома подрайонного Совета, располагавшегося в здании бывшего атаманского правления, шло собрание. Из должностных лиц, кроме Н. П. Алексеева, там присутствовали прибывшие из Шахт партийные работники и четыре местных милиционера. Начальник милиции Николай Морозов даже не выставил наружное наблюдение, поэтому нападение «рожковцев» было внезапным.

По словам многих очевидцев, казаки Рожкова-«белого» небольшой группой въехали в хутор. Их было немного, человек 12, все в казачьей форме, двое местных – Шкондин и Куприянов. Подъехав к исполкому, казаки стали выводить милиционеров и партийцев на высокие приступки учреждения и рубить шашками, выстрелов не было. Никого из местных жителей не тронули, кое-кому из приехавших шахтинцев удалось затеряться в толпе и скрыться. Спрятался и Алексеев, однако его обнаружили и зарубили.

В память об Н. П. Алексееве хутор Малый Несветай был переименован в Алексеевку. В 1923 году хутор был переименован в слободу, и стал районным центром Шахтинского округа Донецкой губернии Украины. До наших дней за х. Шевченко сохранился «пограничный столб» между Россией и Украиной: кусок железа, вбитый в землю на «Белой круче» – самом возвышенном месте округи.

Приложение. Гибель Н. И. Алексеева

Из воспоминаний жительницы г. Новошахтинска Светланы Николаевны Корженевской (запись 1974 года).

Мой отец работал в исполкоме Малонесветайского подрайона делопроизводителем. Жили мы на квартире, поскольку сами не местные. Тогда на должностях не было почти никого из местных: казаки к Советской власти плохо относились.

Колю Алексеева помню хорошо, его совсем недавно прислали на должность председателя исполкома подрайона. Семена Чернецова, что перед ним был, отзывали в Шахты, в район. Алексеев был совсем еще молодой парнишка, но уже женатый, сын маленький. На должности пробыл совсем недолго.

Дело было летом 1921 года. Уже вечерело. Возле здания исполкома, там, где раньше размещалось казачье правление, собралось много народу. Тогда собрания проходили часто, и народу приходило на них множество: ни радио, ни телевидения тогда не было, да и газет почти никто не читал. Вот на собраниях и узнавали разные новости. А тут из Шахт на «линейках» приехали ответственные товарищи, какие-то уполномоченные, человек пять или шесть. Всех в Президиум не смогли разместить, так эти в зале уселись, чем и спасли жизни. Тут же, в зале были и милиционеры, всего пятеро, считая и начальника Николая Морозова. О чем уж говорили на собрании, не помню. Только внезапно у дверей послышался шум, крики – и в исполком ворвались несколько вооруженных человек. Все в казачьей форме. Кто-то из них громко закричал:

– Коммуняки, на выход! – и бандиты поволокли к дверям всех, кто сидел в Президиуме, не обращая на остальных никакого внимания. Захваченных врасплох уполномоченных рубили шашками прямо на приступках здания. Выстрелов не было. Те шахтинцы, что были в зале, а также милиционеры (они формы не имели) и Алексеев, которому тоже места в Президиуме не досталось, воспользовались суматохой и попытались скрыться. Кому-то это удалось, первоначально Алексеев тоже сумел спрятаться в стоявшем неподалеку сарае. Но, видимо, кто-то из местных жителей, сочувствовавших бандитам, сообщил им, что такой Алексеев и указал место, где тот прятался. Его обнаружили, вытащили, вывели на улицу и у всех на глазах зарубили шашкой. Он еще успел прикрыть голову руками. Потом ловили скрывшихся милиционеров и уполномоченных и тоже рубили, кого смогли поймать.

Нападавших было немного, человек, наверное, 12-15, не больше. Потом подошли ихние тачанки, там находились раненые казаки. Стали уничтожать исполкомовские документы, жечь бумаги. Потом, уже ночь была, бандиты снялись с места и по балке направились на северо-восток, туда, где сейчас стоит хутор Красный Кут, тогда его не было. Потом говорили, что ушли они в Горный лес и там их перебили. Все происходило на глазах местных жителей, никого из них бандиты не тронули. Моему отцу тоже повезло.

4. Алексеевский район

Территория Алексеевского района была обширной. В его состав входили части теперешних Октябрьского, Красносулинского и Родионово-Несветайского районов Ростовской области и части Свердловского района Луганской области современной Украины. По своему местоположению, как районный центр, Алексеевка была выбрана крайне неудачно: она располагалась на самом востоке района, добираться сюда из большинства населенных пунктов было крайне накладно и неудобно.

В Шахтинском филиале Ростовского областного государственного архива (1-я опись 278-го фонда) сохранились информационные сводки, отправлявшиеся председателем райисполкома (предРИКа, как в те годы было принято говорить) Иваном Федосеевичем Каменевым в округ – в окрисполком и окружном КП/б/У. По мере необходимости в месяц отправлялась одна, иногда – две сводки.

Пунктов в этих сводках было 15, и они охватывали буквально все стороны тогдашней жизни. Вот лишь некоторые из них (с сохранением текста оригинала): взаимоотношение рабочих и администрации, работа сельсоветов, РИКа и процент коммунистов среди совслужащих, ход и развитие выборов кампаний, борьба с сокрытием пашни и результаты ее, состав милиции, настраивание милиции, снабжение продовольствием, дисциплина, боеспособность, ход съездов Советов, политнастроение участников и влияние на сельхозработы районного комитета партии.

ПредРИКа И. Ф. Каменев, 38-летний коммунист, был прислан на «выборную» должность из г. Шахты (откуда, надо отметить особо, присылались практически все без исключения руководящие работники). В аттестационном листе кадров он характеризуется следующим образом: «Коммунист, политически и практически силен, в поведении – нетактичен». Это все, что известно о биографии И. Ф. Каменева, не считая того, что при белых он арестовывался.

Кроме предРИКа в штате районной исполнительной власти значился его заместитель. С момента образования района, то есть с января 1923 года, с начала июля того же года обязанности заместителя предРИКа исполнял некто т. Седов, откомандированный затем в распоряжение окружных властей. На его место прибыл 36-летний Стефан Дорофеевич Матусов, по совместительству занимавший также пост председателя районного земельного управления – РЗУ. Образование т. Матусова – один класс. В партии состоял с апреля 1920 года, до назначения в Алексеевку успел побывать на должности зав. отделом управления подрайона, зав. райсобесом, председателем «комитета нэзamoжных селян», сокращенно комнезама или КНС. По-русски это звучит как председатель комитета бедноты, комбеда. После чего т. Матусов был председателем волисполкома, зампред волисполкома, заведующим земельным отделом. Последняя должность перед назначением в Алексеевку – Председатель исполкома Барило-Крепинского сельского Совета Алексеевского района.

Должность секретаря-делопроизводителя занимал А. С. Ситников, о ко-

тором в аттестационном листе сначала написано: «Опытный и соответствует своему назначению, как канцелярист», но чья-то рука вычеркнула все, кроме первого и последнего слова, получилось — «опытный канцелярист».

На должности «инспектора просвещения» значился Леонид Гаврилович Балабаев, недоучившийся студент Ветеринарного института.

Специалистом по земельным делам был Л. Д. Хорунжий, о котором в аттестационном листе кадров сказано: «Как специалист по земельным делам — опытен, работает удовлетворительно».

Работники райисполкома подолгу на занимаемых должностях не задерживались. Но больше всего «лихорадило» комнезам. Так, в сводке, отправленной И. Ф. Каменевым 20 мая, сообщается, что «предКНС т. Кошляков снят с должности ввиду слабости работы по советскому строительству, а также в связи с неработоспособностью». На его место был прислан из Шахт некто Антон Абрамович Зайчик. Но уже в конце августа т. Зайчик был «откомандирован в распоряжение окружкома КП/б/У вследствие его просьбы, а также — за неработоспособностью». И. Ф. Каменев в августовской сводке сообщал, что «касательно ПредКНС, то на этот счет запрошено о высылке товарища вместо т. Зайчика, так что в некотором времени райпарткомом таковой будет прислан». В начале октября из Шахт на эту должность был прислан некто т. Башко.

Поменялись и секретари комнезама: вместо Семена Щербакова был назначен А. Д. Красильников.

В мае состоялся пленум райисполкома. В сводке «О состоянии дел в районе» особо подчеркивается, что 90% из состава присутствовавших — члены КП/б/У.

Весной 1923 года в слободе Алексеевка был образован сельскохозяйственный кооператив под названием «Красный пахарь».

Алексеевка, будучи районным центром, одновременно являлась еще и центром сельсоветским. В состав тогдашнего Алексеевского сельского Совета, не считая, собственно, самой слободы, входили следующие хутора: Зацепин, Голубовка (Верхний), Уткин, Бугултай, Петровский. В пределах современного Новошахтинска граница земель Алексеевского сельсовета проходила по балке Джемельтай до ее впадения в Малый Несветай.

В начале весны сельсоветские власти организовали и провели «беспартийную волостную конференцию». Мероприятие, как подчеркивается в очередной сводке, прошло без эксцессов.

Уже весной, вскоре после образования сельхозкооператива «Красный пахарь» у него не наладились отношения с уполномоченным профсоюзом т. Сапрыкиным, И. Ф. Каменев называет их «натянутыми» и сообщает в окружном партии и окрисполком, что в связи с этим «подано заявление в Окрпрофбюро». В дальнейших сводках «Красный пахарь» нигде не упоминается. Как сложилась его судьба — неизвестно.

До конца лета 1923 года вакантной оставалась должность заведующего коммунальным хозяйством при Алексеевском РИКе. В круг его обязанностей входило следить за надлежащим состоянием общественных колодезев. В сводке от 5 сентября значится, что в августе «был прислан окружкомом и окрисполкомом т. Воробьевский на должность зав. Коммухозом». Две недели

спустя по совместительству занял должность зам. Председателя и член Алексеевского ЕЛО им. Калинина (потребкооперации). Должность заведующего культотделом по совместительству занимал зампред РИКа т. Матусов.

В слободе Алексеевна имелись клуб, «почта, фельдшерский пункт, шесть частных магазинов и один — потребкооперации. Располагалось районное отделение рабоче-крестьянской милиции. О милиции говорится практически в каждой сводке, отправленной из района в окружной центр.

20 мая: «Милиция состоит из трех человек: начальника милиции, его помощника и одного конного милиционера, из них два коммуниста и один беспартийный. Связь с хуторами плохая, вследствие неимения при раймилиции лошадей. Необходимо на этот счет обратить внимание окружкома и окрмилиции — об отпуске для Алексеевской милиции пары лошадей, чтобы иметь хорошую связь с хуторами, так как хутора находятся на расстоянии 25-35 верст».

5 июня: «4 милиционера и один тех. рабочий. За истекший период бандитизма на территории района не наблюдалось. Винокурение производится, но на этот счет принимаются самые строгие меры. За истекший период было обнаружено 3 аппарата, 9 бутылок самогона, 40 ведер браги, кои выпиты. Требуется лошади».

5 сентября: «Милиция состоит из 6 человек, из них 4 коммунисты. Обмундирование до сих пор не получили».

5 октября: «В милиции 8 человек. Обмундирование до сих пор не получили. Необходимо обратить внимание окружкому и окрмилиции о выдаче обмундирования для милиции, т. к. работа до некоторой степени осложняется за неимением у милиционеров одежды».

5 ноября: «8 милиционеров, обмундирования нет». До конца 1923 года оно так и не было получено. И лошади тоже.

Об уровне работы районной и местной власти в некоторой степени может свидетельствовать хранящийся в Шахтинском филиале Ростовского областного государственного архива документ-циркуляр Донецкого губисполкома, разосланные на места — в округа и районы (приводится в некотором сокращении при полном соблюдении стиля написания) «При обследовании работы окрисполкомов, райисполкомов и сельсоветов, в некоторых районах обнаружена масса недопустимых дефектов и ненормальностей, допускаемых со стороны рай- и сельсоветских аппаратов... Приводим из них наиболее видные: несоответствие своему назначению большинства председателей сельсоветов, плохое руководство райисполкомами сельсоветов, неинформированность населения об изданиях Советской власти постановлений государственного, губернского и окружного характера, что дает возможность незаконных действий работниками аппарата на местах, злоупотребления должностных лиц. Несмотря на принимаемые меры по борьбе с самогонщиной, варка и распитие самогона продолжают процветать чуть ли не в каждом населенном пункте. Говорить, что предсельсоветами об этом не знают, не приходится, т. к. чуть ли не еженедельно на страницах печати появляются статейки, свидетельствующие об участии должностных лиц низового аппарата в сокрытии, а также — в распитии самогона. Полнейшая вахханалия в работе судей и земельных комиссий, вопросы по несколько раз не разрешаются»...

В начале июня в Алексеевке состоялась районная беспартийная конфе-

рениция, на которой присутствовало 377 делегатов. Повестка дня: «Нота лорда Керзона и о сельхозналоге».

Еще один документ той поры, когда в наших местах начиналась украинизация. Шахтинское отделение НКВД запросило от районных властей сведения о национальном составе работников РИКа и сельских Советов. Сводка, подписанная И. Ф. Каменевым: «На основании вашего распоряжения от 13.07.1923 г. за №16, препровождаем сведения о национальном составе работников сельсоветов также – замов Алексеевского РИКа. Общее число исполкомовцев 13, сельсоветских работников 16, 10 замов. В графе «национальность» помечены украинцы, великоросы, поляки, евреи и прочие. Заполнены только графы «украинцы» и «прочие», примечание: в графе прочих национальностей указаны только русские. Общее количество знающих украинский язык из 39-ти – 17 и все – плохо. Ни одного хорошо».

В конце октября в РИК поступил секретный циркуляр «О скорейшей сдаче продналога – до 1 декабря». По сводкам на 15 октября значилось, что Алексеевский район сдал 213660 пудов зерна, что составляло 54,65% от плана. Власти Шахтинского округа, чтобы ускорить процесс уплаты продналога, разбили округ на участки, и на каждый направили уполномоченных. В Алексеевский район прибыл некто т. Кулаков.

Перед зданиями сельских Советов появились «красные» и «черные» доски. На первых вывешивались фамилии тех, кто уже сдал продналог, на вторых – кто еще не рассчитался с государством. Однако процесс сбора продналога шел крайне вяло. Пришлось, прибегая к угрозам и запугиванию, заставлять население давать расписки, что жители сдадут положенный продналог не к 1 декабря, а к 7 ноября, «как того требует власть». После этого продналог был собран к указанному сроку, к 6-й годовщине Октября.

11-12 ноября состоялся районный съезд Советов, на котором присутствовали 83 делегата, из них 43 коммуниста. В члены РИКа единогласно были избраны тов. Каменев, Матусов и Балабаев.

В начале 1924 года, в честь 100-летия со дня рождения великого украинского поэта-«кобзаря» Т. Г. Шевченко хутор Зацепин был переименован в Шевченко и носит это имя до сих пор.

В том же, 1924 году был основан на землях Алексеевского района новый населенный пункт, получивший первоначальное название «хутор Ильича», современная Ильичевка.

Алексеевский район, крайне неудачное административное образование, спустя два года, в 1925 году был упразднен.

5. Год «великого перелома»

К концу 20-х годов жизнь на территории Алексеевского сельского Совета Шахтинского района, Шахтинско-Донецкого округа, Северо-Кавказского края шла размеренно, неторопливо, от сева до уборки. Раны, нанесенные Гражданской войной, заживали. Наряду с привычным укладом жизни появилась новинка – товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ). Возглавлял товарищество Сергей Гармашов. В 1929 году в х. Шевченко открылась начальная общеобразовательная школа, первым заведующим стал Григорий Иванович Омельченко. А школьное здание построил местный умелец Степан Иванович Мазин, служивший некогда на легендарном броненосце «Князь Потемкин-Таврический». И никто из простых обывателей не догадывался, что надвигается «великий перелом» советского сельского хозяйства – коллективизация.

В декабре 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) образует специальную комиссию по проведению «сплошной коллективизации». Её председателем назначается народный комиссар земледелия Я. А. Яковлев. Комиссией разрабатывается график претворения коллективизации в жизнь.

В январе 1930 года в краевом центре – Ростове-на-Дону состоялся 1-й Краевой съезд рабочих и крестьян по сплошной коллективизации. С докладом выступил председатель краевого Совета профессиональных союзов Б. И. Шульман.

Сразу же после завершения съезда в Шахты поступила срочная секретная директива о немедленном составлении подробнейших списков лиц, подлежащих раскулачиванию. Из округа соответствующие директивы ушли в районы и сельсоветы. Процесс пошел. В Алексеевском сельском Совете окончательно список «кулацких хозяйств» был утвержден только 14 февраля 1930 года (см. Приложение).

Все «кулаки» были разделены на три «категории» с дополнением. Под признак «кулаков первой категории» попадали следующие лица: в обязательном порядке имевшие крепкие хозяйства с дореволюционных времен, в Гражданскую воевавшие в Белой армии, не лестно отзывавшихся о действиях или представителях Советской власти. Правда, всех служивших на стороне белых казаков амнистировали еще в январе 1925 года специальным Декретом ВЦИК и восстановили в гражданских правах. Декрет подписан Председателем ВЦИК М. И. Калининым. Формально все было именно так. На деле же в 1926 году была выпущена секретная инструкция того же ВЦИК за номером 15, согласно которой под любым предлогом надлежало лишать гражданских прав всех без исключения бывших белогвардейцев. Инструкция подписана М. И. Калининым.

«Кулаки первой категории» считались классовыми врагами диктатуры пролетариата в кристальном виде, они вместе с семьями подлежали высылке за пределы края. Таких «миродов» было довольно мало. По Алексеевскому сельсовету из 29 глав «кулацких хозяйств» лишь один подходил по всем критериям – это П. Ф. Дороганов, бывший шахтовладелец, имел в собственности два дома, содержал лавку, владел парой лошадей и двумя коровами...

С «кулаками первой категории» все укладывается в рамки официальной

политики государства диктатуры пролетариата. А со «второй категорией» дела обстояли иначе. Не имело значения, у белых или красных служили «кулаки» 2-го сорта. За основу попадания в список брался тот факт, что до революции они были малоимущими, а за годы Советской власти крепко стали на ноги. Они считались «изменниками делу революции», высылке подлежали в пределах края, но за пределами округа.

«Кулаки третьей категории» – самые многочисленные. В список попадали абсолютно все, кто на момент составления списков был поражен в правах: лишен права голоса на выборах и права выступать на сходах и митингах. В «лишенцы» попадали те, кто, выражаясь «перестроечным» языком, хоть единожды «извлек нетрудовой доход», например, пустил на квартиру учительницу, сдал в аренду амбар. В разряд «кулаков» мог попасть и вовсе неимущий, не извлекавший никаких доходов, например, священник.

3 февраля 1930 года Президиум исполкома Северо-Кавказского края принял Постановление № 33 «О ликвидации кулачества как класса в пределах Северо-Кавказского края». В нем предписывалось, по мере получения этого Постановления на местах, в течение 24-х часов провести выселение кулаков, членов их семей, конфисковав лошадей, скот, птицу, запасы продовольствия и мануфактуры. Округ продублировал Постановление через неделю, Алексеевский же сельский Совет, как уже упоминалось выше, утвердил списки «кулаков» 14 февраля. Начался первый этап коллективизации и раскулачивания.

Сразу же и повсеместно власти столкнулись с ожесточенным сопротивлением, причем, не только со стороны «кулаков». На территории Алексеевского сельсовета организованно выступили против насильственной коллективизации члены ТОЗа, возглавляемого Сергеем Гармашовым. Очевидцы и участники тех событий, с которыми автору этих строк доводилось в свое время беседовать, дают разную оценку «гармашовщины», в зависимости от того, чью сторону они тогда занимали. Согласно версии активистов, ТОЗовцы собирались убить районного уполномоченного Леонтия Архиповича Левченко. Для подавления «гармашовщины» пришлось применять вооруженную силу.

Повсеместно столкнувшись с отпором, власти на какое-то время отступили, тем более что подоспела известная статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», опубликованная в «Правде». Население старались успокоить. «Кулакам» даже дали возможность провести на своих наделах весенний сев.

Тем временем, 10 июня состоялось заседание окружной комиссии по внутреннему расселению кулаков при Шахтинско-Донецком окрисполкоме. Комиссия постановила: «Списки по Шахтинскому району утвердить, исключив из списка кулацких хозяйств, подлежащих расселению... по Алексеевскому сельсовету – Кириченко Дмитрия Фомича».

Выселены были Клименко Иван Яковлевич – один, Корниенко Михаил Петрович – тоже один. Назаров Иван Ксенофонтович – с семьей из трех человек, Максимов Анисим Мефодьевич – один и Клименко Егор Григорьевич – тоже один. Маршрут следования высылаемых был указан: через Синегорский, Михайловский, Николаевскую, Поляков. Остальных «кулаков» оставили в покое до осени.

В Шахтах организуется специальная «тройка» по проведению внутриок-

ружного расселения «кулаков». Состав тройки: от окрисполкома – его председатель Катенев, от окружкома ВКП/б/ – Груздев и от ОГПУ – Тарасюк. Было принято беспрецедентное решение: на все время операции по расселению «кулаков» в распоряжение чрезвычайной «тройки» передавались все наличные силы милиции и УГРО (уголовного розыска). На этот раз сопротивления не было. Раскулаченных под усиленной охраной гнали на железнодорожную станцию Михайло-Леонтьевскую, далее – в неизвестность. Назад вернулись немногие.

Так проходила «официальная», то есть осуществлявшаяся под непосредственным руководством и контролем партийных и государственных властей часть процесса раскулачивания. В архиве сохранились соответствующие документы. Параллельно шло и так называемое «народное» раскулачивание: беднота под руководством активистов по своей инициативе, зачастую даже вопреки воле властей, проводила выселение зажиточных и дележ их имущества. Документов об этом в архивах нет, сохранились лишь воспоминания очевидцев и участников тех событий.

Процесс же коллективизации затянулся вплоть до 1933 года.

Приложение

Шахтинский филиал Ростовского областного государственного архива.
Фонд 278, опись 2, дело 115.

«Список кулацких хозяйств по Алексеевскому с/с на 14.02.1930 г.

1. Шкондин Иван Куприянович, 37 лет, жена Ксения Н., 35. Лишен прав, как участник Добровольческой армии по ст.15, п.1 в 1926 году. До революции имел кулацкое хозяйство. При Советской власти умышленно распродал х/во, а также выступал с белыми против Советской власти.

2. Шкондин Петр Куприянович. 30 лет, жена Наталья. Причины – те же. Шкондин П. К. на руднике 3-го Интернационала с 1920 года.

3. Корниенко Михаил Петрович, 50 лет, жена Харита Михайловна, 44, лишен прав как перекупщик земли, бывший торговец, чуждый элемент – ст.14. Сын эмигрировал с белыми.

4. Морозов Иван Никифорович, 45 лет, жена Василиса, 43. Лишен прав за сдачу в аренду помещения – ст.15, п «А» инстр. 1926 года. Хозяйство имеет, хотя работает на руднике 3-го Интернационала. Социально опасен.

5. Дудукайло Иван Петрович, 48 лет, жена Василиса, 45 – то же.

6. Бельшев Варфоломей Т., 51 год, жена Евдокия Захаровна – за сдачу в аренду помещения. Имеет 2 дома, 1 лошадь. С 1920 года работает на руднике маляром.

7. Иванов Михаил Васильевич, 41 год, жена Мавра, 36 – то же. Имеет 1 дом, 1 лошадь, 1 корову, плотник. Красный партизан. С 1917 по 1925 год работал в Сулине.

8. Твердохлебов Феодосий Л., 46 лет. Причина лишения прав та же. Имеет 1 хату, 2 лошади, 1 корову. Работает на руднике с 1920 года.

9. Глушенко Андрей Иванович, 50 лет, жена Меланья, 46. То же. 1 хата, 2 коровы, 1 лошадь. Инвалид на 75%.

10. Малютин Иван Пуд., 45 лет, жена Лидия, 35. То же. 1 дом, 2 лошади, 1 корова. Работает на руднике.

11. Ткачев Федор Иванович, 46 лет, жена Мария, 38. 1 дом, 2 лошади, 1 корова. Красный партизан, работает на руднике. Лишен прав за сдачу в аренду помещения.

12. Дудникова Наталья Е., 27 лет, 1 дом, 1 корова. Причина та же.

13. Галенко Григорий Иванович, жена Мария. То же.

14. Василеченко Павел Гаврилович, 57, жена Евдокия, 57. То же. 1 дом, 2 лошади, 2 коровы.

15. Вильченко Павел Васильевич, жена Евдокия, 57. То же. 1 дом, 2 коровы, 2 лошади. Работает на производстве 28 лет.

16. Гончаров Андрей Пр., 57 лет, жена Мария, 55. 1 дом, 1 лошадь.

17. Панков Семен А., 46 лет, жена Наталья, 46. То же. 1 дом, 2 лошади, 1 корова. 20 лет работает на руднике.

18. Коновалов Василий Остапович, 35 лет, жена Мария, 36. Лишен прав за сдачу в аренду помещения. 1 дом, 2 лошади, 1 корова.

19. Кравцов Александр Кор., 39 лет. То же. 1 дом, 1 лошадь, 1 кор.

20. Антипов Яков Иванович, 41 год, жена Пелагея, 39. Лишен прав за эксплуатацию чужого труда. 2 коровы, 1 дом, 2 лошади. Мало того: гулевой скот и участок. Примечание: явный кулак.

21. Журавлев Александр М., 39 лет, жена Ксения, 35. Лишен прав за сдачу помещения в аренду.

22. Журавлев Федор М. То же. В настоящее время распродал имущество и сбежал неизвестно куда.

23. Крылов Андрей Дмитриевич, 50 лет, жена Наталья. Лишен прав как активный участник у белых. 2 лошади, 1 корова, 1 дом, 1 кузня (кузнец).

24. Клименко Егор Григорьевич, 41 год, жена Александра, 40. Лишен прав за активное участие у белых. Участвовал в расстрелах. В 1929 году одну пару лошадей умышленно распродал. Примечание: социально опасен.

25. Максимов Анисим Мефодьевич, 44 года, жена Ксения, 40. Лишен прав по тем же причинам. Имел кулацкое хозяйство. Х/во продано за невыплату хлебазаготовок. Социально опасен.

26. Дороганов Петр Фед., 47 лет, жена Матрена, 43. Шахтовладелец, имеет 2 дома, 1 лавку, 1 корову, 2 лошади. Выдавал красногвардейцев под расстрел белым.

27. Назаров Иван Ксенофонтович, 44 года, жена Агафья, 40. Шахтовладелец. Х/во кулацкое. Продано за невыплату хлебазаготовок.

28. Макушкин Гавриил Иванович, 34 года. Священник».

Клименко Алексей Евстигнеевич.

Использованная литература.

1. Статистическое описание области Войска Донского. Нч., 1884.
2. М. А. Гомтмахер. Евреи на Донской земле. Ростов н/Д 1999.
3. сб. Донская археология. 1999-2001.
4. Борьба за власть Советов на Дону. Сб. док. Ростов н/Д, 1957.
5. Фонды ШФ Ростовского областного государственного архива.
6. Фонды Новошахтинского городского краеведческого музея.
7. Газета «Призыв», 1989-1990 гг.
8. Газета «Сельский вестник», 1996, 1999-2003 гг.